

Тургеневский снегопад Елены Крикливец

но и одаривать увиденным окружающих, доселе отнюдь не всегда ощущавших потребности в поэтическом слове. Но вот прочли, услышали... И какой-то неясный отзвук зазвучал в душе. И невозможным стало дальше существовать без строк любимого автора...

Елена Крикливец из числа именно тех, которым дано. Причём, в сравнительно небольшой по численности, но достаточно яркой горстке лучших современных русских поэтов Белоруссии она стоит особняком. Одни собратья по творчеству — С.Евсеева, Ю.Фатнев, И.Котляров, А.Черная да и автор этих строк — уже перешагнули, мягко говоря, возрастной рубеж поэтической зрелости, другие — молодая поросль, — несмотря на кажущуюся звон-

ного что-то изменить, а потому большей частью по-рубцовски удручённого реальностями бытия. Муза поэта — не люблю снисходительного выражения «поэтесса» — воспринимает мир так, будто перед нами человек без кожи, с вывернутой наизнанку душой. Столько в этих стихах горьковатой зоркости и печального осознания себя беспомощной песчинкой среди катаклизмов рушащегося мира... Автор постоянно ощущает себя где-то на грани между взаимоисключающими явлениями бытия. Ощущает и вполне откровенно признаётся в этом:

И, глядя на встающую зарю,
которая туман развеет серый,
от всех невзгод тебя заговорю
на грани суеверия и веры.

.....
И ничего опять не решено...
Стволы берёз пестры от многоточий
наедине с непрочной тишиной,
которая на грани дня и ночи.

Впрочем, лично для себя Елена давно расставила все приоритеты. Родина, Отчизна, Любовь... В любом, наиболее подходящем для данного состояния души, порядке... Собственно, для любого поэта, которого можно назвать державным — а державниками были, в отличие от большинства модернистов, Пушкин и Тютчев, Лермонтов и Блок, Есенин и Ахматова, — чувство Отечества, тревога за его судьбу всегда определяющие в творчестве. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» — мог выдохнуть только человек, чьи эмоции и силы направлены исключительно во благо земли, его взрастившей... И куда бы ни забрасывала Елену судьба, устремления её неизменны. Как в пронзительном стихотворении «Тургеневский кружился снегопад...», успевшем стать своего рода хитом многих литературных журналов:

...Блестит на окнах тонкая слюда —
мороза филигранная работа.
Но вновь и вновь мне хочется туда,
где чёрный пруд и листьев позолота.

Со свойственной ей зоркостью и умениям понять сущность происходящего говорит Е.Крикливец и о, казалось бы, личных моментах, способных превратиться в истинно ключевые, затрагивающие уже всё общество:

«Коней на переправе не меняют...» —
Меняют путь и место переправ.

«Лоскутное одеяло» бытия для автора и есть наша повседневность, где «я на кофе дырки штопаю, а прореха-то в груди», где душа «внезапно сорвётся к истокам», где неведомый кто-то даёт силы выстоять «вплоть до нового огня»... Главное, что автор прекрасно осознаёт: сейчас, на данном этапе творчества, «время сеять. А жатва ещё впереди...».

Если быть совсем уж точным, жатва для Елены Крикливец уже началась. Свидетельство чему учёная степень кандидата филологических наук и звание доцента Витебского государственного университета, успешное поступление в докторантуру, многочисленные победы на престижных международных поэтических конкурсах в России, Австрии, Израиле, Бельгии... Но рецензируемый сборник — всего лишь второй в творческой биографии поэта, ибо пишет Елена достаточно скупой и очень строго к тому, что выходит из-под её пера. А потому перед нами снова, как сказал классик, «книжка небольшая». Не сомневаюсь, что относительно поэзии Елены пророческими окажутся и слова из той же классической цитаты про «книжку небольшую», которая «томов премногих тяжелей». Во всяком случае, в стихах Елены Крикливец всё для этого есть...

Анатолий АВРУТИН

Среди бесчисленной армией людей, слагающих стихи и считающих себя поэтами, строчащих вирши, презрев классические каноны стихосложения, стремящихся удивить человечество полным отсутствием в их творениях даже намёка на подлинное чувство, заменяющих живые человеческие эмоции постмодернистскими кликушеством и кривлянием над здравым смыслом, всё равно остаётся и, не сомневаюсь, будет оставаться всегда, незамутнённый ничем островок истинной поэзии. Творимой людьми, способными отличить себе подобных в любом скоплении пишущей братии. Истинными поэтами, которым дано не только по-особому видеть и чувствовать окружающий мир,

кость голосов ещё только нащупывают и свою тропу, и свои неповторимые интонации. И найдут ли — покажет лишь время.

Елена Крикливец обладает и молодостью — «недостатком», который с годами стремительно испаряется, и вполне зрелой поэтической зоркостью. Зоркостью человека, всё понимающего в происходящем вокруг, но далеко не всегда способ-

Елена КРИКЛИВЕЦ

* * *

Маршрут известен, кони ожидают,
немало вёрст осталось позади.
Дистанция как будто небольшая,
и никаких препятствий на пути...

Когда по мостовой стучат подковы
и не забыто, вроде, ничего,
и весь багаж надёжно упакован —
не застрахован ты от одного:

твоя судьба, которой вдруг наскучит
к нелепой цели мчаться во весь опор,
хозяина свезёт, как пьяный кучер,
на неизвестный постоялый двор.

Пусть ты — в повозке — более вмняем,
твердишь (и, безусловно, в этом прав):
«Коней на переправе не меняют...» —
Меняют путь и место переправ.

Лоскутное одеяло

Эта прошлая жизнь, эта бабкина ветошь
прописалась навеки в комодке твоём.
Возвращаясь домой, будто птица на ветку,
согревалась душа под лоскутным шитьём.

В ночь, когда и дождю почему-то не спится,
и озябший трамвайчик стучит вдалеке,
ты разгладишь морщинки сатина и ситца,
как шершавую кожу на тёплой руке,

той, что клала стежки, словно буквы в строчку
выводила на пёстрых страницах судьбы...
И темнели горохи на бывшей сорочке,
и темнели дорог верстовые столбы...

И сновала иголка в уверенных пальцах,
лоскуток к лоскутку пришивая года,

чтоб укутать любовь, как дитя одеяльцем,
чтобы век воскресить, как живая вода,
чтобы спрятать тоску, как роман институтка,
намечтавшая в дерзком кружении звёзд
расписаться в позоре, в потере рассудка
и уехать с корнетом за тысячу вёрст.

* * *

Заболит душа и внезапно сорвётся к истокам
за такую строкой, чтобы истина в ней ужилась.
Ты отыщешь её на скрипящем крыльце высоко,
с постоянной лагугой почувствовав странную связь.

Засыпает листва эту землю и эту обитель.
Вечерует уже, и давно отправляться пора,
но склонит виновато седую макушку смотритель:
«Так ведь нет лошадей...».
И приходится ждать до утра.

А когда поутру упакуешь бельишка и снеди,
и, как бедная Дуня, помедлишь у старых ворот
и потом напрямки по разбитой дороге поедешь,
там, в осеннем тумане, шальная Тамань промелькнёт.

Поистлеют слова, как привычные телу обноски,
и не встретится тот, кому жить на Руси хорошо.
Ты напёшься беды и пойдёшь босиком по-толстовски...
Он ведь тоже искал, да, признаться, навряд ли нашёл

* * *

Раскатились по снегу рубины.
Запорошенный сад онемел.
— Мама, что это?
— Это рябина.
Много выросло — к лютой зиме.
Холода с ледоходом уплыли,
и над домом в назначенный срок
зашумели, захлопали крылья.
— Мама, что это?
— Вера, сынок.

Зябнут руки. Дорогу размыло.
Зарядило и хлещет с утра.
— Мама, что это?
— Родина, милый.
Велика, изобильна,
добра.

...Перерезать пора пуповину,
в светлый терем варягов призвать.
А дрозды прилетят на рябину
переспелые гроздья клевать.

* * *

Тургеневский кружился листопад,
глубокий пруд без меры осыпая.
Сюда пришла я просто наугад,
доверчиво,
за солнцем,
как слепая.
И был каким-то вяжущим покой,
и мысли без конца и без начала.
Над этой неподвижною водой
я очень долго, помнится, стояла,
в руках кленовый листик теребя,
как барышня из N-ского уезда...

...Вдруг заглянула,
может быть, в себя,
а может быть, в чернеющую бездну
и отшатнулась.
Только горький крик
застрял в груди
и небо потемнело.
О том, что мне открылось в этот миг,
я никому поведать не посмела.

...Блестит на окнах тонкая слюда —
мороза филигранная работа.
Но вновь и вновь мне хочется туда,
где чёрный пруд и листьев позолота.